

Б. В. ЯКОВЕНКО

<Рец. на кн.:> *Сергей Булгаков. Философия хозяйства. Часть первая: Мир как хозяйство*

М.: К-во «Путь», 1912. IV + 321 + V. Ц. 2 р.

Не подлежит сомнению, что книга С. Булгакова представляет собою одно из лучших произведений нашей религиозно-философской литературы и есть вместе с тем одно из интереснейших и показательнейших проявлений современной русской философской мысли. За это говорит и новизна замысла, и серьезная продуманность книги, а в равной мере и старание автора быть научным, обстоятельным и доказательным.

Разумеется, это не значит, что в каждом из этих трех отношений книга С. Булгакова представляется нам обладательницей безотносительных достоинств. Относительна, прежде всего, новизна ее замысла, ибо как хозяйственное миропонимание, она всецело покоится на представлениях христианской философии, на учениях Бёме, Шеллинга, Баадера¹ и на философских размышлениях наших славянофилов; постановка же критического вопроса о том, как возможно хозяйство, особенно вменяемая себе в заслугу С. Булгаковым (но, к сожалению, только намеченная или, вернее, отмеченная им и совсем неразработанная) имеет своих предшественников в лице Зиммеля, Мюнстерберга и, главным образом, Кроче², из которых последний вводит экономическую философию в свою систему философии духа, как область, равноправную эстетике, логике и этике. — Относительна также и продуманность с научностью, ибо, как о том будет речь ниже, исходы книги С. Булгакова примитивно догматичны, изложение вращается в надуманных схемах, а проникновение в мысль представителей немецкого идеализма и современной гносеологии оставляет интенсивно желать лучшего.

Если мерить ее масштабом научности и доказательности, достигнутым философией на Западе, то придется даже признать, что она в этом отношении превосходит совершенно уж ненаучные и бездоказательные книги Бердяева и Эрнэ только с чисто внешней стороны, освобождаясь от недобросовестного обращения с неизученными противниками и публицистически-poleмического сквернословия, — внутренне же остается в одной с ними плоскости теоретического произвола*. — Но как бы ни были относительны указанные достоинства книги С. Булгакова, они все же наличны и вполне достаточны для того, чтобы у нас в России считать ее появление событием немаловажным.

При этом особенно ценными представляются три следующих ее черты. Во-первых, давно пора и у нас также выдвинуть проблему хозяйства чисто философски, поставить относительно нее критический вопрос Канта и взглянуть на нее как на сферу культуры, по своему достоинству стоящую рядом с другими культурными областями. Что из этого получится — другой вопрос. Но в связи с культурными переживаниями последнего полустолетия такое исследование, несомненно, крайне важно. И большое спасибо С. Н. Булгакову за почин в этом направлении. Во-вторых, не оставляет желать лучшего та критика экономического материализма, которую дает С. Булгаков, показывая всю неправомерность его метафизических притязаний. Действительно, философия экономического материализма зиждется на сплошном недоразумении, на грубом и наивном гипостазировании политико-экономических понятий в метафизические сущности. Наконец, в-третьих, нельзя не приветствовать почин С. Булгакова в деле текстуального изучения своих врагов, чего так недоставало представителям нашего религиозно-философского движения и наличность чего так важна хотя бы для того, чтобы возбудить к себе действительный интерес другой стороны.

Но рядом с этими серьезными достоинствами книги С. Булгакова встают и не менее серьезные ее недостатки. И первым делом — проникающий ее внутренне догматизм. Безо всяких доказательств (или хотя бы обоснований) С. Булгаков утверждает примат жизни над знанием и рассматривает затем знание как одно из проявлений жизни. Без всяких, далее, доказательств трактует он эту жизнь то как общий принцип, трансубъективный знанию и примиряющий в себе логическое и ало-

* При этом имеется в виду, конечно, только философская сторона книги.

гичное, субъект и объект, то как органический процесс микрокосма, то как его хозяйственный процесс и т. п. Вся аргументация сводится при этом к иллюстрации примерами, легко поддающимися при желании приспособлению к каким угодно схемам. Между тем ни такой примат жизни над знанием, ни такие ее схематизации не правомерны. Для того, чтобы утверждать примат жизни над знанием, нужно уже знать жизнь. Даже и в том случае, если объявлять ее высшей тайной, все же нужно знать ее как высшую тайну. А тем самым жизнь (хотя бы и тайная) будет сделана проблемой гносеологии, т. е. лишена своей первородности. С другой стороны, говорить о примате жизни над знанием и употреблять при этом упомянутые схемы имеет смысл лишь в том случае, если знание будет взято как процесс. Если же знание будет взято как познавательный смысл, или состав, т. е. взято чисто гносеологически, — а только так и может его брать теперь философия, ибо это — бесповоротное достижение XIX-го столетия, — то даже самая постановка вопроса о примате жизни над знанием потеряет всякое значение: знание как смысл не будет подлежать ведению жизни, как жизни, по самому непосредственному своему значению.

Равным образом догматичны и рассуждения С. Булгакова об исходном пункте в философии или об объекте философской ориентировки. Эта последняя должна быть всегда предварительна, временна, избрана только для удобства. И совершенно правильно, что с принципиальной точки зрения при этом безразлично, будет ли ее объектом наука (например, у Когена³) или хозяйство (у самого С. Булгакова). Но совершенно ясно также и то, что, исходя так из науки или хозяйства, мы этим еще не делаем ни ее, ни его основной схемой нашего философствования. Объект ориентировки не есть философский принцип и не должен быть за него выдаваем. У С. Булгакова же мы имеем как раз такой скачок: ориентируясь на хозяйстве, он все содержание своей философии строит по схеме хозяйства, — экономизирует все сущее.

Вся произвольность и схематичность такой экономизации резко бросается в глаза, если сосредоточить свое внимание на частных примерах, разбираемых С. Булгаковым. Так, свои мысли насчет потребительской функции в мировой жизни он иллюстрирует на примере питания. Что же такое питание, по мнению С. Булгакова? «Еда есть натуральное причащение, — приобщение плоти мира. Когда я принимаю пищу, я ем мировую материю вообще» (84). «Мы едим мир» (83), — вот ответ С. Булгакова. Что же сказать на это? Ведь совершенно же ясно, что едим

мы только тот или другой отдельный предмет (причем число доступных едению предметов в высшей степени ограничено), и что мир, как целое, не дан нам как такой предмет и открывается никак не в еде, а в понятии. Ответ С. Булгакова равен другому, аналогичному: мы едим предметность. Совершенно очевидно, что это не ответ, а схематическая натяжка. И нужно сознаться — натяжка очень легкая. Таких натяжек можно придумать сколько угодно. С. Булгаков рассматривает мир в категории хозяйственности. Также легко рассматривать мир в категории художественности, органичности, сексуальности и т. п.

Однако, существеннее и по своим последствиям гораздо плачевнее всего этого иного рода недостаточность предлагаемой С. Булгаковым «Философии хозяйства». Дело в том, что это, в конце концов, — новое (только новое) издание философии экономического материализма. Отличие от старого — только в спиритуалистически-виталистическом покрове. Суть же и основа старая — экономический, материальный фактор. С. Булгакову было тесно в низенькой и маленькой избушке марксовского экономического материализма, и вот он приладил к ней религиозно-спиритуалистическую вышку, приправил Маркса Соловьевым (как совершенно правильно заметил как-то в дебатах кн. Е. Трубецкой). — Из этого получился своеобразный конгломерат, материо-спиритуализм или спирито-материализм, который своей произвольной схематичностью отпугнет от себя и материалистов (если таковые еще имеются, во что мне очень трудно поверить), и спиритуалистов и который вместо преодоления ложной метафизики экономического материализма, с одной стороны, еще более подчиняет философию незаконным проискам этого последнего, а с другой, еще глубже нарушает смысл понятий научной экономики метафизическим их употреблением.

Что касается до главы, посвященной науке и современной философии, опирающейся на науку, то несостоятельность ее основных критических мыслей обуславливается уже тем, что С. Булгаков не хочет делать различия, как то уже выше упоминалось, между процессом знания и составом знания, между наукой как процессом исследования и наукой как совокупностью трансцендентальных содержаний или категорий. К знанию и науке в первом смысле, несомненно, подходит до некоторой степени прагматическая точка зрения, разделяемая С. Булгаковым: — тут может быть применен принцип инструментализма и т. п. К знанию же и науке во втором смысле прагматические выкладки не имеют никакого отношения, ибо эта сфера опреде-

ляется изначально абсолютно другими категориями. И до тех пор, пока С. Булгаков не почувствует глубокого различия между этими двумя порядками данностей, методов и точек зрения, он не освободится и от постоянной склонности вменять Канту, Фихте, Гегелю, Когену, Гуссерлю⁴, Риккерт и т. д., того, чего они, по меньшей мере, не думают, мне же кажется, — чего и не говорят.

Вполне прав С. Булгаков, когда говорит (З), что было бы «дефектом исторического самочувствия» не учесть философски той громадной роли, которая все более и более выпадает на долю экономического фактора в жизни. Но, мне думается, я не ошибусь, если, руководствуясь теми же аспирациями⁵, скажу, что превращать по этой причине все содержимое жизни и философии в экономический факт, значит обнаружить «гипертрофию исторической чувствительности» или «дефект систематического самочувствия».

